

«Ты узнаешь, когда придет время, Сяо Цзин. Спешка ни к чему».

Цзюцяньюсуй подарил мне длинный меч.

Это был новый меч, и говорили, что Цзюцяньюсуй специально нашел печь для меча, чтобы выковать его. Когда я взял его в руки, я даже почувствовал сохраняющееся тепло на ладонях, свидетельство того, что он неоднократно обжигался и сгибался в огне, который привел его к такой форме.

Он был ошеломляющим, демонстрируя необыкновенную элегантность.

Соответствующие ножны были темными, с выгравированными внизу замысловатыми узорами, которые прекрасно сочетались с кожаными ремнями. Висящий на поясе этот длинный меч выглядел скромным и изящным, не теряя при этом своего внушительного вида. Когда я медленно вытащил его, перед моими глазами появилось гладкое и острое лезвие, чистое, как зеркало. Даже мои ресницы прекрасно отражались от его блестящей поверхности. Изгиб кончика меча был плавным и опасным. Весь меч, должно быть, был выкован из лучшей стали, тщательно отлит и отполирован. Все, что требовалось, — это легкое движение кончиками пальцев, чтобы меч издал продолжительный неземной гул. Каждая деталь в нем была безупречной. Он был легким и хорошо сбалансированным, его присутствие величественно.

Единственная беда заключалась в том, что меч еще не был заточен. Хотя это было такое драгоценное оружие, лезвие было лишь слегка отполировано. Оно было настолько тупым, что не мог разрезать даже фрукт.

«Я оставил его специально для Сяо Цзина, чтобы ты мог заточить его самостоятельно», — объяснил мне Цзюцяньюсуй. «У каждого хорошего меча есть дух; тебе нужно медленно отполировать его и привыкнуть к нему. Точно так же, как человек лелеет меч, меч также питает и ответную реакцию. Дайте себе достаточно времени, чтобы познакомиться друг с другом, и только тогда он признает тебя своим хозяином и поможет тебе обрести единство человека и меча».

Я кивнул, как будто понял его слова, хотя в глубине души подозревал, что он, вероятно, пытается меня обмануть.

В конце концов, я практиковал кунг-фу много лет. В тяжелые времена опасности я мог даже поднять ветку дерева и использовать ее как меч, но я никогда не слышал о такой концепции. Хотя о подобных сюжетах я читал в романах Уся в книжном хранилище особняка.

«К тому времени, когда он будет заточен должным образом, яд и гу выйдут из твоего тела. И тогда он сможет помочь тебе снова освоить кунг-фу». Цзюцяньюсуй все еще говорил серьезно. Ему не только не было неловко пытаться обмануть кого-то моложе его, но он даже вручил мне

два излишне крошечных точильных камня с естественным выражением лица.

Вероятно, он просто хотел найти мне занятие, чтобы вселить во меня больше надежды и уверенности в своем будущем — хотя я не был таким пессимистичным, как он себе представлял, и не чувствовал себя обиженным, оставаясь в особняке Дюгоней. Тем не менее, я спокойно принял точильные камни, не отвергая его благосклонности.

Самые мучительные дни лета «Саньфу» уже прошли. Время было между концом лета и началом осени, хотя погода еще не была прохладной, но и не такой душной, как раньше. Под карнизом дул легкий прохладный ветерок. Несмотря на то, что мы вдвоем сидели в одном шезлонге, нам не было жарко. (Прим: Саньфу, 辟邪, древние китайцы считали самым жарким периодом года. Дата начала Саньфу примерно между 10 и 20 июля, а дата окончания примерно между 8 и 18 августа)

После минуты молчания Цзюцяньсуй наконец расслабил правую руку, обнажая предмет, который он крепко держал в ладони с тех пор, как мы вошли во двор, и положил его передо мной.

Это был маленький нефритовый Пиксиу, вырезанный на тусклом куске нефрита с большим количеством примесей. Пиксиу имел невзрачный внешний вид, с посредственной резьбой, которая не могла передать величественную сущность доисторического зверя, у которого теперь была круглая голова и пухлое тело. Очевидно, это было нефритовое украшение на красной веревке, которое обычные семьи надевали на шею своим детям. А ведь это было модно лет десять назад. В наши дни дети на улицах стали чаще носить замки долговечности.

(Прим: Пиксиу, 辟邪, Пиксиу — китайское мифическое гибридное существо. Пиксиу - влиятельное и благоприятное существо для богатства, и, как говорят, у него ненасытный аппетит исключительно к золоту, серебру и драгоценным камням. Поэтому традиционно для китайцев Пиксиу всегда считались благоприятными существами, обладавшими мистическими способностями, способными притягивать цай ци (招财, богатство) со всех сторон, и, согласно китайскому зодиаку, это особенно полезно для тех, кто проходит через плохой год.

Замок долголетия Чанмин Суо, 长命锁, который ребенок носит на руке или шее, выражает добрые пожелания людей о том, чтобы замок принес ребенку здоровье и удачу)

Цзюцяньсуй ответил молчанием. Он взял нефрит и, словно погруженный в свои мысли, опустил голову, чтобы привязать его к рукояти меча.

Нефритовый Пиксиу был на красной веревке и привязан к этому бесценному мечу. На первый взгляд, он не выглядел слишком уж неуместно и даже радовал глаз. Однако по какой-то причине кисточка нефрита была отмечена неровными темными пятнами, поверхность нефрита также отражала слабый блеск, как будто они были пропитаны потом Цзюцяньсуя в его ладонях.

Я в замешательстве посмотрел на Цзюцяньсуя: «Что это...?»

На всей огромной земле Дакан только учёные и литераторы тратили усилия на украшение рукояти меча. Поскольку такие мечи были больше ориентированы на украшение, чем на полезность, они были известны как «мечи ученых». Мечи людей, которые по-настоящему практиковали кунг-фу, никогда не имели предметов вокруг рукояти, не говоря уже о том, что предмет, висящий на рукояти меча, был бы такой нелепой маленькой безделушкой. Не то чтобы я находил это малоценным, но он сильно отличался от обычных предпочтений Цзюцяньсуя.

Цзюцяньсуй не смотрел на меня, точнее, он больше не поднимал головы после того, как надежно привязал кисточку меча к рукояти. Он рассеянно провел пальцами по нефритовому куску, и его взгляд надолго задержался на нем.

В моем сердце возникло еще большее смятение.

«Это нефритовое создание я ношу каждый день с тринадцати лет». Спустя довольно долгое время Цзюцяньсуй наконец открыл рот, его голос был настолько тихим, что дрожал: «Его значение для меня несравненно».

Он поднес нефритовое существо к губам и нежно поцеловал его.

«Но на самом деле я не заслуживаю того, чтобы держать его в руках. Из всех людей в этом мире только ты достоин обладать им».

Я был совершенно сбит с толку.

Цзюцяньсуй, однако, не стал ничего объяснять. Он вдруг поднял голову, устремив на меня свой взгляд с испытующим намерением, как будто его взгляд мог проникнуть вглубь моих глаз.

«Сяо Цзин хорошо о нем позаботится, верно?»

Уголки его глаз, слегка наклоненные вверх, придавали его взгляду нотки пронизательности. Хотя я знал, что Цзюцяньсуй не хотел мне угрожать, я все равно был поражен, мое сердце ощущало некоторую панику без всякой причины.

«Поскольку он принадлежит Дужу, я обязательно о нем позабочусь...»

Я заикался, чувствуя все большую неуверенность в себе.

Потому что высокая фигура Цзюцяньсуя прижалась ближе, его взгляд встретился с моим, кончик его носа был направлен прямо на меня, поправляя меня с внушительной манерой, не терпящей противоречий:

«Он принадлежит и тебе, Сяо Цзин».

Его... и мой?

Я быстро обдумал в уме только что состоявшийся разговор с Цзюцяньсуйем.

Поскольку Цзюцяньсуй носил этот нефритовый Пиксиу каждый день в течение шестнадцати лет, он, должно быть, имел глубокую связь с ним в юности и имел для него большое значение в прошлом. И теперь он отдавал его мне, говоря, что он принадлежит и мне...

Итак, он приглашал меня поучаствовать в его прошлом...?

Избегать признаний и неявно выражать свои чувства всегда было стилем Цзюцяньсуя. Раньше я был убежден, что он капризный человек, но недавно меня осенило, что он просто неловко выражал свои чувства. Однако лезть в личные дела хозяина было серьезным табу для слуги, и я никогда не делал этого за последние двадцать с чем-то лет и никогда не пробовал. Так что его неловкость тоже была для меня постоянным испытанием...

Взгляд Цзюцяньсуя, брошенный на меня, был пытливым, а также выдавал нескрываемое ожидание и побуждение, как будто он искренне хотел услышать что-то от меня или получить определенное отношение.

Под таким взглядом я тяжело сглотнул, крепко обхватил меч руками, долго собирался с духом и заставил себя тихо спросить: «Почему... он так важен для тебя, Дужу?»

Возможно, это был подарок умершего любимого человека, или символ важного момента, или, может быть, он представлял собой форму желания в сердце Цзюцяньсуя.

Во время краткого молчания Цзюцяньсуя я спокойно позволил этим спекуляциям прокатиться у меня в голове.

«Ты меня просветишь?»

Чтобы внести ясность, я добавил еще одно предложение.

Однако, похоже, Цзюцяньсуй ожидал не такого ответа.

Он вздохнул, как будто выдыхая свои загадочные ожидания вместе с воздухом в легких. Его веки беспомощно опустились, скрывая сложные эмоции в зрачках.

Его ресницы нежно коснулись моих век, щекоча меня.

«Дужу...?»

Я наблюдал, как он медленно отступил и сел в исходное положение, поэтому нерешительно позвал его, задаваясь вопросом, не слишком ли много я думаю и неправильно истолковываю его намерения.

Но он быстро взял себя в руки, как будто его разочарование минуту назад было всего лишь иллюзией. Он даже взял ситуацию на себя и успокаивающе похлопал меня по макушке, сказав: «Все в порядке, ты еще молод».

Я посмотрел на него с удивлением.

«Ты узнаешь, когда придет время, Сяо Цзин. Спешка ни к чему».

Закончив эти слова, Цзюцяньсуй погрузился в долгое-долгое молчание.

<http://bllate.org/book/14094/1239624>